

*Маленькие
грузы
больших
людей*

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ КРЕМЛЕВСКОГО ВЕТЕРИНАРА

Анатолий Баранов

Анатолий Евгеньевич Баранов
Маленькие друзья больших
людей. Истории из жизни
кремлевского ветеринара
Серия «Супервет. Невероятные
истории о животных и их спасителях»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67975452

*Маленькие друзья больших людей : истории из жизни кремлевского
ветеринара / Анатолий Баранов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173722-1*

Аннотация

Высокопоставленные, строгие, серьезные и жесткие люди могут быть совершенно другими в кругу своих близких и совершенно настоящими и ранимыми – рядом со своими любимыми домашними питомцами. В книге Анатолия Баранова, кремлевского ветеринара, который лечил маленьких друзей глав государства Леонида Брежнева и Никиты Хрущева, авиаконструктора Микояна, академика Сахарова, композитора Раймонда Паулса и многих других известных людей, вы прочтете невероятные воспоминания о любимых питомцах политиков и

знаменитостей, удивительные истории спасения и безграничной любви людей к своим питомцам.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Кремлевский ветеринар	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анатолий Баранов

**Маленькие друзья больших
людей: истории из жизни
кремлевского ветеринара**

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Баранов А.Е., Баранова Л.Л., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Кремлевский ветеринар

Белый мерседес плавно выехал из арки дома номер двадцать шесть по Кутузовскому проспекту. Начиная с шестидесятых годов этот дом своей известностью напрочь затмил знаменитый Дом на набережной, что напротив Кремля. И как не затмить, когда в нем проживали не «старые», всеми забытые большевики, работавшие еще с Ульяновым-Лениным, а совершенно новое поколение руководителей Советского государства.

Конечно же, встретить выходящего из подъезда, например, самого Леонида Ильича Брежнева, Николая Анисимовича Щёлокова или Юрия Владимировича Андропова было почти невозможно. Все первые лица страны постоянно жили на государственных дачах. Но в своих городских квартирах иногда появлялись. Поэтому порядок во дворе дома поддерживали на самом что ни на есть высоком образцовом уровне, здесь постоянно дежурила милиция. Так что незамеченным не пройдешь и тем более на машине не проедешь. К тому же за въездом и выездом автомобилей зорко следила ГАИ.

К моему немалому удивлению, лимузин, в котором я находился, немислимо нарушая правила дорожного движения, стремительно, почти что перпендикулярно, вырулил в крайний левый ряд многополосной правительственной трассы, смело пересек две сплошные разделительные линии дорож-

ной разметки и, круто развернувшись, направился в сторону центра города. От такого отчаянного для автолюбителя маневра я затаил дыхание. Ведь подобное нарушение, как мне было хорошо известно, не могло остаться без внимания милиционера-гаишника, мимо которого мы только что проехали. Однако никаких пронзительных свистков и стремительной погони за нами не последовало. Из любопытства я оглянулся. Мне отчетливо было видно, что офицер-гаишник как ни в чем не бывало по-прежнему спокойно восседал в своей высокой будке-стакане у самого выезда из правительственного дома.

Бесшумно работал мощный, пятисотсильный автомобильный мотор, приглушенно играла стереофоническая музыка, а запах дорогих французских духов приятно щекотал мои ноздри. Я прикрыл глаза, но по-настоящему расслабиться так и не смог. У моего напряженного состояния была вполне объяснимая причина. Она заключалась в том, что это была не какая-то развлекательная прогулка в шикарной машине молодой дамы.

Красивая женщина, сидевшая за рулем мерседеса, была владелицей моих пациентов и везла меня к своей приятельнице, где мне предстояло провести одну из самых значимых консультаций в своей врачебной практике.

Как мне было сказано, от того, насколько удастся визит и насколько окажется эффективным мое лечение тяжелоболь-

ной собаки, зависит настроение и покой всей семьи первого лица государства и вообще вся моя дальнейшая врачебная репутация не только в Москве, но и во всей стране...

* * *

Замечаю, как наша машина, не сбавляя скорости, проскакивает на запрещающий красный сигнал светофора и как молодцеватый подтянутый гаишник, стремительно перекрыв боковое движение, с улыбкой на лице лихо отдает нам честь. Еще бы, подумал я, ведь у шикарного мерседеса хорошо различимый и запоминающийся номерной знак – четыре семерки. Наверное, до сведения каждого постового милиционера-гаишника правительственной трассы была своевременно доведена информация, кому принадлежит эта машина и кто может находиться за рулем. Офицер ГАИ, конечно же, хорошо знал, что владелец этого авто – Герой Социалистического Труда, генерал армии, министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щёлоков. А кроме того, он близкий друг и соратник самого Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Попробуй не отдать честь по воинскому уставу...

Пара секунд, и мы на Садовом кольце. Несколько метров, правый поворот, и мы оказываемся на тихой чистенькой улочке, названной в честь академика Щусева, знаменитого советского архитектора, по проекту которого в тридцать

цатые годы были построены Мавзолей Ленина и так полюболюбившаяся всем горожанам столичная красавица – гостиница «Москва». Бывший Гранатный переулок был переименован в улицу Щусева совсем незадолго до появления на ней нового жилого дома из светло-желтого кирпича. В этом доме, уютно разместившемся за литым решетчатым чугунным забором, должен был поселиться сам Леонид Ильич Брежнев.

Но Леонид Ильич в свою квартиру на пятом этаже так и не переехал.

«Человек он очень скромный, да и квартира ему показалась слишком уж большой и роскошной, по сравнению с той, которая у него в доме двадцать шесть...» Так мне говорили о мотивах отказа переезда ближайшие родственники генсека. А под этой, единственной во всем доме пустующей огромной жилплощадью располагалась квартира немного поменьше. Вот в ней нас сегодня с нетерпением и ждали.

Не успел мерседес подрулить к подъезду и остановиться, как тут же из дома вышли две строгого вида дежурные, одетые в одинаковую униформу серого цвета, и поприветствовали нас хорошо заученными фразами. Невестку министра, как я понял, они хорошо знали в лицо. Нонна Щёлокова была частым гостем этого дома.

Бесшумный финский лифт незаметно поднял нас на четвертый этаж. За это короткое время я успел изучить панель управления лифтом. По Москве ходили слухи (конечно, среди определенного круга людей), что новый дом генсе-

ка Брежнева имеет тайное сообщение с метро. Стоит только нажать определенную кнопку лифта, и он опустится на пятидесятиметровую глубину. Пройдя далее по небольшому подземному переходу, можно оказаться на станции метро «Баррикадная». Но, как я сумел воочию убедиться, на панели такой кнопки не оказалось. Все как в обычных кабинках финских лифтов. Может быть, только дополнительная ярко-красная кнопка, несколько большего размера по сравнению с остальными и четкой на ней надписью «Тревога», вносила какое-то небольшое отличие и подчеркивала важность этого дома.

Из лифта – направо. Нонна нажимает кнопку дверного звонка. Несколько секунд томительного ожидания, и дверь открылась...

Моему взору предстала хозяйка квартиры – улыбающаяся очаровательная женщина. Галину Леонидовну Брежневу, дочь первого лица самой могущественной во всем мире сверхдержавы, не узнать было просто невозможно.

«Вот уж действительно папина дочь...» – тут же пронеслось у меня в голове. До чего же она похожа на своего отца, и такая же открытая добрая улыбка.

Галина Леонидовна словно считала мои мысли. Она протянула мне для приветствия руку и, продолжая улыбаться, подтвердила, что все, кто ее первый раз видит, сразу же отмечают, что она папина дочь. Действительно, на красивом женском лице великолепные, не выщипанные в дань моде,

яркие черные брови, большие темные глаза миндалевидной формы и длинные густые ресницы. А еще ее взгляд выдавал в ней умную женщину.

Галина Леонидовна, на несколько секунд задержав мою руку в своей, тут же сделала мне приятный комплимент, сказав, что за этот месяц она от друзей слышала обо мне отзывы только как о лучшем ветеринаре. И сообщила, что у нее есть моя книжка о доврачебной помощи четвероногому другу, к которой в последнее время она вынуждена часто обращаться. При этом, кивнув в сторону Нонны, добавила, что Щёлоковы уж точно знают, кто из врачей Москвы хорошо лечит собак и кошек.

– Вначале сама хотела вам, Анатолий Евгеньевич, позвонить, – как бы оправдываясь и немного смущаясь, проговорила Галина Леонидовна. – Но потом подумала, что будет лучше, если первый раз это сделает Нонночка.

Я тут же поблагодарил Галину Леонидовну за оказанное мне доверие и подтвердил, что все, что она про меня слышала, соответствует действительности. В Институте вирусологии имени Д. И. Ивановского Академии медицинских наук СССР я весь день занимаюсь научной работой, уже подготовил к защите диссертацию. Вечерами – практика. В субботу и воскресенье полностью отдаюсь лечению четвероногих пациентов. Кроме того, работаю над следующей книгой, а в свободные минуты пытаюсь изобретать что-то для животных.

– Нам, владельцам животных, – сказала Галина Леонидовна, – будет очень приятно сознавать, что наш семейный ветеринарный доктор не только хороший врач, но к тому же кандидат наук. Правда, – добавила она, – он этого не поймет.

И, ловко подхватив на руки вышедшего из одной из комнат маленького, модно подстриженного щенка серебристого пуделя, передала его мне.

Приняв совсем невесомое юное создание с вытаращенными от страха темненькими глазками, я поднес его к своему лицу. Несмотря на то что щенок, оказавшись в руках незнакомого человека, был сильно взволнован, он тут же, в знак дружелюбия, сделал отчаянную попытку лизнуть меня в губы. Чтобы как-то успокоить малыша, я позволил ему это сделать. Щенок тут же дал волю своим чувствам, и чем дольше он меня неистово лобзал, тем частые удары его крошечного сердечка становились все реже и реже. А это означало, что щенячий страх отступал, малыш начинал успокаиваться.

– Это наш маленький Элли, – сообщила Галина Леонидовна. – Подарок мужу от его друга – министра внутренних дел Германской Демократической Республики.

Затем, словно спохватившись, она предложила нам удобнее расположиться в глубоких кожаных креслах и, извинившись, удалилась на кухню.

Признаюсь, я был несколько удивлен. Никаких «сорока нянек», теток, прислуги – никаких чужих в доме у дочери столь могущественного отца не оказалось.

Вскоре на столе появился красивый кофейный сервиз из дорогого антикварного майсенского фарфора и огромная, чуть меньше квадратного метра, яркого золотисто-красного цвета непочатая коробка шоколадных конфет фабрики «Красный Октябрь». Такие конфеты делались только по специальному заказу для особых кремлевских торжеств и в кондитерские магазины для продажи населению не поступали.

За кофе Галина Леонидовна продолжила свой рассказ об Элли, который к этому времени окончательно перестал волноваться и, развалившись на моих коленях, вытянув свое стриженое тельце, спокойно дремал.

– Дремлешь, Эличка, голубчик, дремлешь. Думаешь, доктор про тебя забыл, – обратилась к нему Галина Леонидовна. – Кстати, об уколах... Германский министр передал коробку с набором медикаментов – разные вакцины для прививок Элли. Я ее сразу убрала в холодильник, даже не открывала. Сейчас, Анатолий Евгеньевич, принесу, и вы сами посмотрите, что в ней находится.

Коробка оказалась не просто коробкой. Настоящее термохранилище из пенопласта со специальным охлаждающим веществом. Такие контейнеры я уже встречал в своей практике. Это было последнее изобретение ученых. Благодаря такому устройству внутри контейнера длительное время удерживалась оптимальная температура, что предохраняло вакцину от перегрева или переохлаждения. Одним словом, обеспечивалась ее сохранность при длительной транспорти-

ровке или хранении. А так как контейнер к тому же находился в холодильнике, то никаких сомнений в качестве лекарственных препаратов у меня не возникло. Внутри контейнера, поверх целлофанового пакета, лежал «аусвайс» – немецкий документ, по-нашему – ветеринарный паспорт на собаку. В нем была отметка о сделанной щенку первой профилактической прививке – от чумы плотоядных.

Полной неожиданностью для меня оказалась вложенная в него записка с рекомендацией тамошнего ветеринарного врача. Новым владельцам собаки предлагалось обратиться по такому-то телефону к ветеринарному врачу – Баранову Анатолию. Телефон действительно был моим домашним. Это стало еще одним приятным сюрпризом.

Принимая участие в разговоре двух умных и очаровательных владельцев собак, я одновременно знакомился с содержимым контейнера. Кроме ветеринарного сертификата и письма-рекомендации моего немецкого коллеги-ветеринара, в коробке находились две ампулы вакцины фирмы «Дессау», которая, как следовало из сведения на этикетках, всего лишь защищала собак от одной чумы. Я обнаружил в посылке еще кое-что, от чего у меня сразу возник спазм дыхания, – два знакомых больших флакона нашей родной отечественной вакцины против бешенства животных.

Если немецкая вакцина от чумы собак была неживой и содержала убитые вирусы, то вакцина против бешенства – живая. Кроме одного положительного свойства – вызывать

у собак сильный и долгий иммунитет против бешенства – было и другое, крайне отрицательное.

Это последнее качество не только перечеркивало первое, но и представляло смертельную опасность для здоровья и жизни крохотного нежного существа, которого звали Элли. Впрочем, как и для других домашних собак, кто получил прививку подобной вакциной.

Антирабическая фенол-вакцина в каждом флаконе содержала десять доз для собак крупных пород, или пять доз для крупного рогатого скота или других сельскохозяйственных животных, причем размером с лошадь. Как известно, бешенством болеют все теплокровные. Вот и должна была эта вакцина одинаково и надежно защищать всех животных от смертельной болезни. Производство этого препарата в нашей стране было начато очень давно, в пятидесятые годы. Вакцина вызывала у собак хороший и длительный иммунитет, была действительно мощной и надежной защитой больших служебных и маленьких декоративных пород собак от страшной, тяжелой и неизлечимой болезни. Но одновременно была грозным монстром, который мог запросто вызвать у домашних любимцев, особенно у нежных собак, таких как пудель, различные осложнения, опасные не только для здоровья, но и для жизни.

В случае если после вакцинации у коровы, быка или свиньи развивались осложнения – например, паралич конечностей, эпилептические припадки и что-то другое, – трагедии

в этом сельские ветеринары не видели. Решалось все просто: вынужденный убой безымянного животного со сдачей туши на мясокомбинат.

А с домашней собакой – порой самым любимым членом семьи – дело обстояло совсем иначе. О трагических случаях, когда после смерти животного в больницу с инфарктом миокарда, стенокардией или гипертоническим кризом попадал его хозяин, я как практикующий ветеринарный врач знал не понаслышке.

Несмотря на то что исследование этого животрепещущего вопроса, связанного с осложнениями у собак, было мной уже завершено и в ветеринарном журнале опубликована подробная статья, проблема в масштабах страны оставалась нерешенной. Вакцина часто давала осложнения, а новую, более современную, а самое главное, безопасную, никто создавать и не помышлял. Страна была занята производством дорогостоящих стратегических баллистических ракет.

Видя некоторое мое замешательство и смущение, Галина Леонидовна тут же поинтересовалась, что это я такое нехорошее нашел в посылке. В ответ мне пришлось прочитать дамам в краткой популярной форме лекцию по иммунологии и вакцинному делу. А кроме того, пояснить, что, во-первых, вакцина немецкой фирмы «Дессау» защищает только от одного из самых распространенных и опасных заболеваний щенят – чумы; во-вторых, чтобы добиться хорошего результата, то есть надежного иммунитета, щенку необходимо

ввести препарат не менее двух раз с интервалом три-четыре недели; в-третьих, два долгих месяца, которые потребуются для того, чтобы юный организм Элли смог выработать иммунитет, способный защитить себя от этой заразы, могут оказаться роковыми. Щенок из-за слабости действия вакцины будет все это время фактически беззащитным к инфекциям. Вирус чумы в условиях густонаселенного города с огромным количеством собак вездесущ, зол и коварен. Он не будет дожидаться выработки организмом Элли хорошего иммунитета. Не дай бог, во время нападения возбудителя на собаку иммунитет у нее окажется слабым! В этом случае заражение и заболевание щенка обеспечено на все сто процентов. К тому же кроме чумы есть другие очень заразные и чрезвычайно распространенные болезни городских собак – гепатит, лептоспироз.

Если лептоспироз можно подхватить в основном за городом летом, то инфекционный гепатит, как и чуму, – элементарно во дворе своего дома, в подъезде или в лифте.

Вот у меня и возник вопрос: как быть со страшными инфекциями? Вакцины против этих болезней в посылке министра не оказалось. И быть при всем желании не могло, так как Германская Демократическая Республика такие биологические препараты не выпускала. Зато их выпускала другая Германия – Федеративная. А между ними находился сплошной высокий бетонный забор с колючей проволокой и пуле-

метными гнездами на вышках...

К вакцине «Дессау», как я уже обмолвился, у нас, ветеринарных врачей, были большие претензии. Будучи приготовленным из убитого вируса, препарат слишком медленно вызывал у привитых щенят выработку иммунитета. К тому же он оказывался слабым и ненадежным. У меня уже был достаточно богатый опыт по проведению вакцинации этим препаратом. Многих щенят, к горю их владельцев, восточногерманская вакцина по-настоящему так и не сумела защитить от коварной инфекционной болезни. Одним словом, работал препарат на слабенюкую троечку.

Что же касается вакцины против бешенства, я тоже постарался как можно популярнее рассказать Галине Леонидовне о вероятных осложнениях у Элли в случае его прививки этой вакциной.

– Как же нам тогда быть, Анатолий Евгеньевич? – всплеснув руками, в неожиданно нахлынувшем на нее волнении воскликнула Галина Леонидовна. – Ни в коем случае малышке нельзя вводить такую сильную вакцину, а то, действительно, вдруг нашего Эличку парализует. Он же не лошадь и не стокилограммовый бычок или корова... и даже не поросенок. Кошмар какой-то, а не вакцина.

Было видно, что Галина Леонидовна от всего услышанного очень расстроилась. Ее красивые глаза мгновенно стали влажными. Но это состояние длилось всего несколько мгновений. Она быстро овладела собой и, немного подумав,

сказала, что такое положение дел с производством отечественной вакцины для домашних собак так оставлять больше нельзя.

– Совершенно верно. Тем более что в западных странах для прививок собак уже стали применять современные мягкие и в то же время эффективные вакцины. И они, как правило, не дают осложнений, потому что их готовят на культуре клеток, а не на мозге овец. Поэтому они так и называются – культуральные безаллергенные вакцины, – полностью поддержал я хозяйку серебристого пуделька.

– Анатолий Евгеньевич! Давайте как-нибудь в выходной день подъедем с вами к папе на дачу и поговорим с ним и его помощниками об этой важной проблеме, – неожиданно предложила Галина Леонидовна. И продолжила: – Папа-то у меня не бывает. А в свою квартиру в этом доме он сразу отказался переезжать.

И кивком головы она показала на верхний этаж. Я сразу понял, о чем идет речь.

Предложение Галины Леонидовны съездить к ее отцу – первому лицу государства – и поговорить с ним и его помощниками о выпуске современных вакцин, а заодно о сухих и консервированных кормах для собак и кошек показалось для меня чрезвычайно важным и очень заманчивым. Я, вполне естественно, поблагодарил ее за предложение и, несколько не раздумывая, дал свое согласие.

– Вот так живешь и не знаешь, что подстерегает наших

любимых питомцев. Спасибо вам, Анатолий Евгеньевич, что просветили в этом совершенно не знакомом для нас деле. Мы же с самыми хорошими побуждениями каждый год, по весне, подхватывали своих собак и отправлялись на прививку в районную ветеринарную лечебницу. Конечно, инкогнито, чтобы там не узнали, чью собаку прививают. Хотели как все... И никто из врачей нашим собачкам перед прививкой ни разу не измерил температуру тела. А о том, что перед вакцинацией и после нее целых двадцать дней животных нельзя купать и стричь, дабы не возникло переохлаждения, и вообще о возможных осложнениях с появлением каких-либо воспалений и о том, что в мире есть современные вакцины, никто никогда нам не говорил, – задумчиво произнесла Нонна.

– Теперь мне многое стало понятным, – поддержала свою приятельницу Галина Леонидовна. – Вот отчего мамина болонка вскоре после прививки начинала хворать. И опять же, никто из врачей словом обмолвился, что это могло быть проявлением последствий вакцинации именно против бешенства. Анатолий Евгеньевич! Скажите, можно ли лечить эти осложнения?

– Конечно же, можно, только сложно. Об этом я написал в журнале «Ветеринария», – гордо отвечал я Галине Леонидовне, совершенно не представляя, что подобным ответом сам себя загоняю в ловушку, из которой выбраться будет чрезвычайно сложно.

– Если бы врачи читали научные журналы! – с тяжелым вздохом произнесла Галина Леонидовна. – Тогда бы наши малыши болели гораздо меньше. Может быть, тогда скорее сделали бы мягкодействующие эффективные вакцины.

– Галя! – вдруг воскликнула Нонна. – Я нашла самый простой выход из этой жуткой ситуации! Завтра мой Игорь улетает на Запад, в командировку. Через три дня вернется. Он купит и привезет нам нужные вакцины. Анатолий Евгеньевич! Пожалуйста, напишите их названия.

Действительно, подумал я, это был самый надежный и верный выход из создавшегося положения. Элли требовалась очередная прививка, а имеющаяся вакцина не годилась. Щенок долго ждать не мог. Риск заразиться инфекционными болезнями для него был слишком велик. Бездомных собак, больных чумой и инфекционным гепатитом, в Москве в то время бегало предостаточно. Они-то и были основными распространителями инфекции.

У меня была полная уверенность в том, что Игорь Щёлков обязательно купит вакцину. Сын министра по-настоящему любил собак. Причем не только своих. Особенно если они попадали в беду. На моей памяти было несколько случаев, когда Игорь помог своим знакомым вызволить из застенков живодерни попавших туда питомцев.

После того как мы подсчитали, сколько доз комбинированной вакцины необходимо было купить Игорю для наших собак, и моей в том числе, немного подпорченное настрое-

ние у всех заметно улучшилось.

Не теряя времени, я принялся писать названия вакцин французской и западногерманской фирм, которые наиболее подходили для прививок.

* * *

Не успел я завершить написание препаратов, как вдруг почувствовал, что под столом кто-то слегка касается моей ноги, словно прося обратить и на него внимание. И это был не Элли. Серебристый пудель в это время находился у меня на коленях и спал, мирно посапывая. Едва я подумал, кто же это такой мог быть, как черненький шершавый и потрескавшийся горячий собачий нос уже нежно утыкался в кисть моей руки. Я взглянул на незнакомца – небольшого черного пуделя с седенькой мордочкой и умными, почти человеческими глазами, но очень и очень грустными.

– Это, Анатолий Евгеньевич, наш Жуня, – представила его Галина Леонидовна. – Нашему Жунечке уже шесть лет, и у него очень большие ушки. Они у него заболели, когда он был еще совсем юным, и, как я только сейчас поняла, все это началось вскоре после его первой прививки от бешенства. Сначала одно ухо воспалилось, потом и другое. Врачи нашей кремлевской поликлиники сказали, что у Жунечки острый гнойный отит и что он у него будет всю его собачью жизнь. Но взяться за лечение побоялись, сославшись на то, что жи-

вотных должны лечить ветеринары. Где мы его ушки только не лечили, какие только из лекарств не применяли, а отит прогрессировал и перешел в хроническую форму. Временами обостряется, затем вроде бы затихает, – горько пожаловалась она. – Вот так с этой хворью и живем.

– А в этом году Жунечке стало совсем плохо. Появились боли в ушках. Он, бедненький, из-за них постоянно стонет. Ухудшилось общее самочувствие и совсем пропал аппетит. Плохо спит. Ночью часто просыпается, пищит, как хворый котенок, и трясет головой. И самое главное – в кровь расчесывает ушки. Когда в выходные дни я дома, то слежу за ним и не позволяю так сильно раздирать себя. А в рабочие дни – каждый день в восемь тридцать утра уезжаю на работу и возвращаюсь домой только в семь вечера. Жуня предоставлен сам себе. Мне, Анатолий Евгеньевич, больно смотреть на моего любимого... Лучше бы у меня болели уши, – тихо произнесла Галина Леонидовна, вытирая носовым платком накатившие слезы.

Да, подумал я, одна кофейная церемония и приятный разговор со светскими дамами у меня сегодня не получится. Застарелый отит – дело серьезное. Тем более хронический гнойный процесс. Медики и ветеринары не зря потихонечку и под всяческими надуманными предлогами отказались от лечения тяжелобольной собаки.

– Галина Леонидовна! Успокойтесь и не переживайте так сильно, – непроизвольно сорвалось с моего языка. – Вылечу

я вашего Жунечку, обязательно вылечу, – пообещал я ей.

Как гласит русская пословица, слово не воробей – вырвалось, не поймаешь! Отступить теперь было поздно, да и некуда. К тому же еще эти разговоры о журнале «Ветеринария» с моей статьей об осложнениях у собак после прививок и их лечении... Одним словом, попался ты, доктор, в собственный капкан...

Однако мое поспешное и совершенно необдуманное обещание подействовало на Галину Леонидовну магически. Она тут же успокоилась. Ее глаза засветились надеждой.

Я отдал записку с названиями вакцин Нонне, решив не затягивать с осмотром Жуни.

На меня вдруг нахлынуло такое чувство, словно я оказался неподготовленным к сдаче самого серьезного экзамена по клинической дисциплине. Может быть, даже не к экзамену, потому что я всегда без особого волнения их сдавал. Скорее всего, к важному испытанию – испытанию своего умения и профессионального мастерства. Мне предстояло проявить себя достаточно грамотным, правильно мыслящим ветеринарным врачом, который в случае необходимости сможет найти неординарный способ лечения одной из труднейших для отоларингологов запущенных болезней – гнойного отита. Но каким образом? Этого я пока не знал.

Однако я отдавал себе отчет в том, что риск оказаться в беспомощной ситуации и стать «крайним» был слишком велик. В любой момент хронический гнойный отит мог пере-

кинуться на оболочки головного мозга и вызвать их воспаление. Вот что, по-видимому, так пугало всех предыдущих коллег. Если лечение хронического гнойного отита представляло для врачей сложность и вызывало неуверенность в исходе лечения, то посмертный диагноз – энцефалит, менингит или менингоэнцефалит – пуделю был бы поставлен патологоанатомами безошибочно. И наверняка все «шишки» достались бы мне. Но меня это, в общем-то, не пугало. А то, что собака принадлежит столь известным и могущественным людям и в случае неудачи могут возникнуть какие-то неприятные последствия, меня не останавливало. Год-то на дворе был не 1937-й!

Мое внутреннее состояние как бы говорило, что я спасу эту милую добрую собачку с седенькой мордочкой и чрезвычайно страдальческим выражением умных глаз, так жалобно просивших меня о помощи.

Но как помочь Жуне? Чем его лечить? Вопросы, вопросы и еще раз вопросы...

А в мыслях звучало тревожное сообщение Галины Леонидовны о том, что многолетний недуг сделал с Жунечкой свое черное дело. Животное уже несколько лет не играло в свои любимые игрушки. Пес даже отказался грызть привезенную в подарок одним крупным чиновником МИДа импортную ароматную «косточку» из сухожилия быка, с которой раньше так любил весь день забавляться.

– Какое там грызть косточку!.. Жуне-то даже мясо погло-

щать трудно, – высказал я свое мнение, прервав невеселые раздумья. – Любые движения челюстей тут же отдают в ушах страшной болью. Гнойный хронический отит, да еще в такой запущенной форме, представляет для ни в чем не повинной собаки уже не болезнь, а просто инквизиторскую пытку. А за столько лет безмерного тягостного терпения Жуни болезнь не только стала хронической, но и лишила малыша всякой надежды на выздоровление, – грустно подытожил я.

* * *

Во время осмотра понурый Жуня сидел, сжавшись и сутулясь, с выражением нескрываемого ужаса на мордочке. Зрачки его темно-карих глаз от страха были расширены, как будто он находился в ночной мгле, а маленькая пасть плотно сжалась, словно он боялся залаять или нечаянно тяпнуть меня за руку. Но надевать намордник или завязывать челюсти бинтом Жуне я не стал, это было бы слишком унижительно для такого умного создания. Я мог биться об заклад, что во время моей консультации собака кусать меня не станет. Тем не менее осмотр больного я проводил с особой щадящей аккуратностью, чтобы не причинить лишнюю боль. Созерцая ужасную картину, творившуюся в собачьих ушах, я представил себе муки, которые выпали на долю маленького животного. Казалось, страдания Жуни стали невольно передаваться и мне...

А как могло быть иначе, когда ты видишь, что шерстный покров со стороны основания внутренней поверхности ушной раковины сплошь покрыт как давно засохшими, так и свежими гнойными и сукровичными выделениями. А сама нежная кожа внутренней поверхности?! На ней не осталось ни одного живого места – вся экзематозная, отечная и устрашающего красно-бурого цвета. И что еще мне совсем не понравилось – ее страшно изъязвленная поверхность, которая возникла от царапанья острыми когтями и от постоянного контакта с гнойными выделениями. Но это для меня уже большого значения не имело, так как означало, что обычным способом, известным как медикам, так и ветеринарам, с применением перекиси водорода и использованием ватного тампона, накрученного на палочку, при всем желании воспользоваться будет просто невозможно.

При первом же легком прикосновении пальцами к нижней части уха Жунечка начал дрожать мелкой дрожью. А из страдальческих глаз обильно потекли слезки. Словно извиняясь за свою собачью несдержанность, он тут же своим бархатисто-нежным языком начал усиленно лизать мою руку, в то же время как будто выражая благодарность за то, что я, в отличие от предыдущих врачей, стараюсь не причинить ему резкую боль.

– Не волнуйся, Жунечка, не волнуйся. Все будет хорошо. Вылечу твои ушки, непременно вылечу, – успокаивал я пуделя.

И он, как ни странно, понял. Перестал дрожать и только внимательно следил за моими действиями, время от времени издавая короткие жалобные стоны.

Глядя на нас, дамы дружно отметили: Жунечка не сделал ни одной, даже слабой, попытки спрыгнуть с журнального столика, на котором я его осматривал, и убежать от меня прочь. Как я уже сказал, он только внимательно следил за моими руками и время от времени смотрел прямо в глаза, словно считывая в них свою дальнейшую судьбу. Я же в свою очередь не отводил взгляда. Жуня, по-видимому, отлично понимал мое внутреннее состояние. И, наверное, от этого был послушен и чрезвычайно сдержан в своих эмоциях. А может быть, умный и сообразительный пес за такое щадящее обращение с ним мне просто дружески подыгрывал.

Наблюдая за осмотром своего любимца, Галина Леонидовна тихо роняла слезы в промокший носовой платок. Она мне потом призналась, что была крайне удивлена поведением своего любимца. То, как Жуня вел себя во время осмотра, ее страшно поразило и тронуло.

Ко всем предыдущим докторам Жуня был нетерпим. Как только врач бесцеремонно брал его за ухо и поднимал ушную раковину для осмотра, он сразу же начинал душераздирающе верещать и грозно щелкать зубами, пытаясь избавиться от бинтовой повязки – импровизированного намордника. А уж когда начиналась чистка ушей от скопившегося гноя перекисью водорода – сплошной лязг зубов и жалобный поро-

сячий визг, насквозь пронизывающий чувствительное женское сердце хозяйки.

Страшная боль, исходящая от воспалившихся ушей, эхом отдавалась и в сердце самого больного. Со слов Галины Леонидовны, однажды, при очередной процедуре лечения ушей, Жунечка, перестав истошно вопить, вдруг резко обмяк и, словно подкошенный, упал навзничь. Его маленькое тельце похолодело, а розовый язык в один момент превратился в синий, как у чау-чау.

Благо, что ветеринар оказался из питомника КГБ. Опытный врач не растерялся и не запаниковал. Он быстро снял с челюстей собаки тугую завязку и открыл окно для доступа свежего воздуха. Пес вскоре пришел в сознание и самостоятельно задышал. Молодость взяла свое. Собака хотела жить.

Вот на этом инциденте лечение Жунечкиного отита и закончилось. Пудель не выносил боль, а ветеринарные врачи, вроде бы крепкие люди, не выдерживали столь сильных нервных потрясений. Пес в любой момент мог умереть. Случись это с любимой собакой Генерального секретаря ЦК КПСС во время лечения – строгий партийный выговор, не говоря уже об исключении из рядов... По мнению партийных докторов, риск был слишком велик... А расставаться с «хлебной карточкой», как они называли партбилет, было крайне нежелательно. Это означало – прощай отдельная квартира за счет государства, поездки за границу за казенный счет, вне очереди покупка авто, почетное звание заслу-

женного ветеринарного врача и многое другое. Вот и остался бедный Жунечка без врача и лечения – один на один с гнойным отитом, который с каждым годом и месяцем становился все более и более тяжелым.

А после того как медики сообщили Галине Леонидовне, что очередной сердечный приступ может привести Жунечку к инфаркту и смерти, она вообще растерялась.

– Галя сама потом целый месяц лечилась от стенокардии. Если бы при мне такое случилось с кем-то из моих собак, мое сердце тоже, наверное, остановилось бы, как у Жуни, – проникновенным трагическим голосом сообщила Нонна.

Сказанное ею являлось чистой правдой. Подобные ситуации мне были хорошо знакомы. Многие владельцы больных собак или кошек после такого пережитого стресса решали для себя, что пусть уж их четвероногий друг живет с болезнью, чем умрет при садистском лечении. И они были, безусловно, правы.

* * *

Еще раз выслушав у Жуни слабенькую и разлаженную работу сердца, я пришел к окончательному выводу, что кровяной насос собаки, не по годам уставший и измученный многолетними страданиями из-за больных ушей, не выдержит их тривиального лечения. А другого-то у меня и не было. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как в первую оче-

редь налаживать сердечную деятельность собаки, а уже потом браться за лечение больных ушей.

Но это было теоретически. А практически? На полное восстановление сердечной деятельности времени у меня совершенно не было. Кроме того, первопричиной тяжелого состояния собаки было совсем не сердце.

Обострившийся гнойный отит мог в любую минуту перекинуться на оболочки головного мозга. Развившийся гнойный воспалительный процесс сразу поразит главные мозговые центры жизнеобеспечения организма, что, конечно же, окажется несовместимым с жизнью, – в очередной раз прокрутил я в голове вероятное развитие ситуации.

Своими опасениями по поводу возможного осложнения, я откровенно поделился с Галиной Леонидовной. Ее лицо стало опять печальным.

– Анатолий Евгеньевич, если честно, то ваше сообщение для меня совсем не новость... О возможном развитии такого осложнения и внезапной гибели собаки меня предупредил лечащий врач из нашей кремлевской поликлиники. Но об этом я старалась не думать. Все надеялась, что нас это минует и мой любимый Жунечка доживет до старости.

Выдержав небольшую паузу и промокнув платком в очередной раз выступившие слезы, Галина Леонидовна продолжила:

– После разговора с вами у меня появилась маленькая надежда, что еще что-то можно сделать, чтобы спасти Жунечку

от преждевременной смерти. Сделайте все возможное, только чтобы он еще немного пожил... Его болезнь затмила все мои увлечения... Сейчас он для меня самый любимый черный бриллиант в тысячу тысяч карат.

И мне ничего не оставалось, как в очередной раз повторить, что я попытаюсь придумать необычайно гуманный способ лечения ушей Жуни без наркоза и без боли.

Мои последние слова, на этот раз сказанные уверенным тоном, произвели такое впечатление на Галину Леонидовну, что она, мгновенно просияв, со словами «Мы на вас, Анатолий Евгеньевич, надеемся» крепко и чувственно поцеловала меня в щеку.

Таким благодарственным эмоциональным всплеском хозяйки моего важного пациента я был тронут и, конечно же, польщен. Но мое воодушевление быстро улетучилось, и его место опять заняла все та же тяжелая мысль о предстоящем поиске какого-то совершенно нового способа лечения Жуни. А то, что мне на этот момент нечем лечить отит и результат предстоящего поиска неизведанного мифического средства сейчас неизвестен, – так это же самый интересный и волнительный момент в жизни практикующего врача и ученого, рассудил я, вспоминая знаменитого на весь мир французского основоположника экспериментальной медицины, врача и ученого Клода Бернара.

Галина Леонидовна сварила нам кофе. Я сидел в окружении двух великосветских дам и двух собак и медленно отпивал горячий ароматный напиток из тонюсенькой полупрозрачной фарфоровой чашки, на обратной стороне доньшка которой имелась эмблема из двух скрещенных мечей.

Поддерживая беседу, я одновременно фантазировал о том, что в данной тяжелейшей ситуации предстоящего лечения Жуня один из острых мечей принадлежит мне – ветеринарному врачу, а другой – болезни, грозящей собаке смертельным исходом.

И вот эта уже, можно сказать, начавшаяся между нами дуэль для меня будет нелегкой, а ее исход неясным. Однако для себя я решил твердо: добряка Жуню так просто не отдам в лапы мучительной смерти. Сделаю все возможное и даже невозможное. Спасение этой умной собачки для меня, ветеринарного врача, будет делом чести.

Тем более в лекарственных препаратах я был не скован. Галина Леонидовна сразу предупредила, что проблем с любыми медикаментами, даже с самыми что ни на есть дефицитными, у меня не будет. В «кремлевке» найдется буквально все, что потребуется. В моем непростом поединке с болезнью этим следовало непременно воспользоваться.

Я составил перечень необходимых лекарств, которые в го-

родских аптеках отсутствовали. В первую очередь требовались сердечные препараты. Большим список не оказался, так как я хорошо отдавал себе отчет в том, что и самыми действенными лекарствами в непомерных количествах можно только навредить больному животному. Галина Леонидовна с моим разъяснением была вполне согласна.

Перехватив мой взгляд, обращенный в сторону маленького серебристого щенка, она тут же поведала, что эта собака всем сердцем любит мужа и что Элли сразу полюбил его, как только увидел, и лишь в нем признает своего хозяина.

– Элли так безумно любит Юру, что даже чувствует на большом расстоянии его приближение – вовсю виляет хвостиком и безумно суетится у входной двери. Когда он входит в дом, уж тут собачьим душевным излияниям нет конца. Одним словом, они, что называется, живут душа в душу... Лучшего счастья обоим, по-моему, желать не надо. А Жунечка преданно, ласково и нежно любит только меня...

Покончив с кофе, Галина Леонидовна предложила:

– Я, Анатолий Евгеньевич, буду присылать за вами машину, и вы можете потом пользоваться ею хоть весь день. А если надо, то папины помощники позвонят вашему начальству на работу, чтобы вас отпускали к нам в любое время. Как мне хочется, чтобы вы, дорогой Анатолий Евгеньевич, вылечили моего Жунечку, моего маленького страдальца...

Я поблагодарил Галину Леонидовну за столь любезное предложение и пояснил, что машиной с удовольствием вос-

пользуюсь, а вот звонить на работу мне не требуется, так как в нашем институте обстановка довольно демократичная. Ученые трудятся над научными исследованиями, которые занимают основную часть их жизни. При этом никто ни за кем не следит: кто и в каком часу приходит на работу и когда уходит – никого не интересует. Трудовой день у нас не нормирован. Эксперименты идут с утра до утра. Круглые сутки напролет. Современные скоростные ультрацентрифуги крутятся день и ночь, осаждая различные вирусы, помеченные радиоактивными изотопами. От огромных скоростей, достигающих ста восьмидесяти тысяч оборотов в минуту, вирусы, которые и разглядеть-то можно лишь в мощный японский электронный микроскоп, оседают в миллиардных количествах на стенках пластмассовых пробирок в виде маленьких безликих бляшек, но уже заметных простому глазу.

– Анатолий Евгеньевич, и вы тоже работаете с такой современной техникой? – живо поинтересовалась Галина Леонидовна.

– Да, работаю, как у нас говорят, на молекулярном уровне! – отвечал я с нескрываемой гордостью. – После того как нами в этом году был впервые обнаружен и выделен вирус лейкоза крупного рогатого скота, с применением этих же реактивов и техники пытаюсь открыть вирус лейкоза собак.

– Вот, оказывается, какой у нас доктор, – вступила в беседу изумленная Нонна Щёлокова. – И когда же вы отдыхаете, Анатолий Евгеньевич?

– Вот сейчас и отдыхаю, общаясь со своими пациентами и их очаровательными владелицами. Правда, так бывает не всегда. Иногда встречаются такие, с которыми лучше бы вообще не встречаться. Но больных животных жалко, поэтому временами приходится терпеть их хозяев. Для подобных случаев у меня правило: проведу первую консультацию, и точка, – признался как на духу я своим собеседницам.

Галина Леонидовна и Нонна в один голос тут же повторили несколько раз: «Но мы же не такие, Анатолий Евгеньевич, мы же не такие? Вы нас, пожалуйста, только не оставляйте...»

– Вы, Анатолий Евгеньевич, будете у нас личным кремлевским ветеринаром, – серьезно произнесла Галина Леонидовна. – Я так папе и скажу про вас. Вашу кандидатуру он с удовольствием одобрит.

После того как я поделился с Галиной Леонидовной примерным планом лечения Жуни, мы договорились о следующей встрече, которая должна была состояться через три дня. Таблетки, которые я назначил Жуне, необходимы были для поддержания и восстановления его разлаженной сердечной деятельности. Одновременно они являлись профилактическим средством вполне возможного инфаркта миокарда. На фоне серьезной терапии сердца мне предстояло заняться непосредственно лечением гнойного воспалительного процесса ушей.

Что же касается маленького Элли, то через три дня из ко-

мандировки должен будет возвратиться Игорь с нужной вакциной.

Вот эти три дня, взятые в виде тайм-аута, мне требовались для поиска какого-то совершенно нового способа местного лечения гнойного хронического отита, когда в полости ушных раковин совсем не осталось живого места. Если бы только это... Страшная боль маленькой собачки при любом, даже легком прикосновении к ее больным ушам. Вот от всего этого в эмоциональном порыве я опрометчиво и легкомысленно пообещал хозяйке избавить Жуню от болезни. Но тут же, одумавшись, задал себе «трезвые» вопросы: чем и каким образом? На эти два конкретных и важных вопроса никаких четких и внятных ответов в мыслях не было. И вообще, появятся ли они у меня в эти три коротких дня, я еще не знал. Полученное впечатление от маленькой собаки со страдальческими, почти человеческими глазами и ощущение неизвестности лечения болезни на какое-то время стали моим навязчивым состоянием, которое не отпускало меня ни днем ни ночью...

На прощание Галина Леонидовна преподнесла мне подарок – огромный флакон французского одеколона Aramis, который в то время был моим самым любимым.

О том, что Галина Леонидовна угадала мой вкус, я сообщил ей с благодарностью. Услышать это, как я понял, для настоящей женщины стало большим удовольствием.

Забегая немного вперед, скажу, что дело одним парфю-

мом не ограничилось. В ответ на все улучшающееся самочувствие ее любимого Жунечки я получал от нее все новые и новые подарки.

Мне стало ясно, что люди, независимо от своего положения в обществе, пусть даже самого высокого, видя, как отступает недуг и хворь их горячо любимых собак или кошек, особенно если их до тебя никто не смог вылечить, оказывались очень благодарны врачу. И в свою очередь также были всегда готовы прийти ему на помощь в случае необходимости. Или просто помочь решить какую-то, на первый взгляд, маленькую проблему, например, связанную с моей практической ветеринарной деятельностью.

Так вот, у меня вскоре появился свой личный врачебный бланк и личные круглая и треугольная печати ветеринарного врача. И это в то время, когда в семидесятых годах Министерство внутренних дел СССР дало распоряжение изымать у медицинских врачей их личные печати, полученные ими еще в послевоенные годы после окончания вуза. При том что окончившим вуз врачам личные круглые печати уже несколько лет, как не выдавали. Только ромбовидный нагрудный знак.

Ну а о ветеринарных врачах тогда речь вообще не шла. Бланки рецептов с заранее проставленными на них круглыми печатями учреждения были только в государственных ветеринарных лечебницах. Врачи, сидевшие на приеме больных животных, получали их от руководства в ограниченном

количестве и потом за каждый использованный бланк отчитывались перед главным врачом.

А у меня теперь с выпиской рецептов не было никаких проблем. Не менее тысячи рецептурных бланков были в моем полном распоряжении. Мне даже показалось тогда, что такого количества может хватить на долгий период моей практики.

Кроме того, ЦК КПСС и Совет министров СССР издали постановление, в котором соответствующим министерствам и ведомствам поручалось разработать и приступить к выпуску экологических сухих и консервированных кормов для собак и кошек. Меня же пригласили возглавить новое направление в этом нужном деле.

Но это все произошло потом, когда Жунечка был избавлен от гнойного хронического отита и стал выглядеть на несколько лет моложе, а также перестал страдать сердечной недостаточностью. Пудель уже не тряс ушами и не расчесывал их в кровь. Он на них вообще перестал обращать внимание. Некогда ослабленное сердце пожилого Жуни стало работать намного лучше. Он уже без признаков одышки мог подолгу играть в мяч с молодым красавцем Элли и не уступал ему ни в скорости, ни в выносливости. Некогда горячий и потрескавшийся черненький собачий нос с гнойными корочками в углах его крыльев опять стал зеркально чистым, влажным и холодным...

Напряженная мысль поиска нового и действенного способа лечения застарелого гнойного отита заняла меня полностью. Обычным способом лечить Жунечку я не мог. И не потому, что эта собака принадлежала семье Генерального секретаря ЦК КПСС. Даже в случае, если бы на месте этой собаки оказалась совсем другая – из менее известной семьи, то все равно это тронуло бы меня до глубины души, и вполне возможно, у меня непременно возникло желание придумать что-то такое новое, более совершенное, действенное и, самое главное, безболезненное. Видимо, где-то в глубине моего врачебного подсознания скрывалось тайное желание найти новый, действенный способ лечения запущенного гнойного отита. Для реализации требовался только «детонатор», коим стал Жуня. В этом конкретном случае лечить такое умное, понятливое и доброе животное старым жестоким методом с использованием жгучего раствора перекиси водорода было бы с моей стороны обыкновенным издевательством над больным животным.

Все было именно так. Но без применения этого давно известного способа лечения отита очистить изъязвленный слуховой проход от скопившегося гноя, засохших корок и при этом не вызвать страшную и нестерпимую боль было просто невозможно. Вот в этом самом месте врачи начинали ост-

ро ощущать свою инфантильность и полнейшую беспомощность. В тот самый первый момент моей встречи с Жуней я не стал среди них исключением.

Я еще плохо себе представлял, каким таким неведомым способом и какими лекарственными препаратами можно было бы без психогенной травмы очистить уши от гноя и при этом не потревожить кровоточащие воспалившиеся язвы на всей внутренней поверхности как наружной ушной раковины, так и в самом слуховом проходе. А еще запущенный гнойный процесс среднего уха...

Если приступить к лечению известными апробированными средствами, разрыва сердца собаке не миновать. Инфаркт миокарда – довольно частый исход в подобных ситуациях.

Я отлично представлял сцену, которая возникнет при обычном способе лечения собаки. Как только я начну обрабатывать раствором перекиси водорода Жунечкины уши – у него сразу возникнет резкая, страшная, жгучая и нестерпимая боль. На всю квартиру раздастся жалобный собачий вой. Жуня резко мотнет головой – хирургический пинцет с ватным тампоном окажется мгновенно отброшенным в сторону по причине того, что я буду вынужден тут же выпустить его из рук, дабы не повредить им ухо. Страдальческий плач собаки сольется со стонами его хозяйки, судорожно хватающейся за сердце... А испытавший жуткую боль песик стремглав убежит и забьется куда-нибудь подальше от своего му-

чителя. Никакими силами для продолжения процедуры извлечь его из убежища будет невозможно. Подобный тяжелый сценарий разовьется в лучшем случае. В худшем – трагедийном – страдальческий плач собаки завершит развившийся обширный инфаркт миокарда, который раз и навсегда прекратит все мучения. Затем прибытие скорой помощи из кремлевской больницы, госпитализация хозяйки в кардиологическое отделение с некупирующимся приступом стенокардии, подозрением на инфаркт и гипертонический криз... Два инфаркта в доме за одно лечение отита – это слишком дорогая цена...

Правда, в моем врачебном арсенале было еще несколько способов избавления собаки от боли при ее лечении. Например, с помощью препаратов усыпляющего и релаксирующего действия. Но эти средства, способные вызвать у собаки быстрый сон, запросто могли вызвать и остановку ее слабенького сердца. Рисковать таким способом жизнью Жуни я тоже не мог. Немолодое животное выдержало бы всего два или от силы три сеанса наркоза. А может быть, не выдержало бы и одного! Ведь основным действующим началом релаксирующего препарата являлось кураре.

– Просто ужас какой-то, испытывать постоянный страх смерти любимой собаки! – твердо заявила бы Галина Леонидовна, услышав об этом методе лечения своего Жунечки, и, конечно, никогда бы не дала мне на это своего хозяйского согласия.

Существовал и еще один гипотетический путь лечения. С помощью местной анестезии ушной раковины и слухового прохода. Если предположить, что от наступившей временной глухоты собака не «взбесится» и я смогу спокойно промыть перекисью водорода ушную полость и начисто очистить ее от застарелых и засохших корочек, то, на первый взгляд, все должно быть нормально... При новокаиновом обезболивании во время процедуры собака никак не будет реагировать на то, что потревоженные язвы будут сильно кровоточить, а травмированная кожа, очищенная от гноя, будет огненно-красной. Вроде бы получалось все верно. Но и в этом способе был свой изъян. И довольно ощутимый. Местная анестезия действует ведь всего часа два или три от силы. А что будет с собакой, когда действие анестетика закончится? Опять нелегкий вопрос...

Мне живо представилась картина, наступившая после окончания анестезии. Вот тут-то и начнет с собакой твориться самое страшное. При таком обширном изъязвлении ушной раковины боль будет похожа на прикосновение к растерзанной коже железа, раскаленного добела.

Собака с неистовой силой, ревя и воя на всю огромную квартиру, начнет трясти головой, чесать уши лапами, разрывая их в клочья и одновременно терзая душу хозяйки... Одним словом, Жуня раздерет уши еще сильнее и они будут выглядеть гораздо хуже, чем до моего вмешательства. Тогда какой смысл в таком зверском лечении? Опять садизм ка-

кой-то, и все. К тому же кто мне разрешит так издеваться над больной собакой?

* * *

Напившись крепкого кофе, до самой поздней ночи я изучал различные справочники по фармакологии, отоларингологии, химии, биохимии и токсикологии и еще многие другие нужные книги. Выписывал в блокнот химические вещества и их формулы, лекарственные препараты, составлял из них различные комбинации и схемы лечения. Потом все зачеркивал и брался за новые. Затем снова и снова проверял на совместимость отобранные компоненты и рассчитывал предполагаемый лечебный эффект. Из нескольких десятков вариантов к утру на листе бумаги осталось не более восьми.

Короткий сон, и в семь часов я уже на ногах. Но ехать к больному Жунечке было еще преждевременно. Кое-какие мысли по лечению у меня уже имелись. Мне оставалось только воплотить их во что-то материальное.

Быстро проглотив завтрак, я первым делом направился в ближайшую аптеку, которая открывалась в восемь утра, где без труда приобрел некоторые из необходимых компонентов будущих лекарственных смесей. Остальные же составляющие моих прописей надо было добывать совершенно в других местах. В аптеках они не продавались. В «кремлевке» их тоже не было.

В семидесятые годы, да и позже, если кто-то еще помнит, можно было не иметь сто рублей, а иметь сто друзей. В этом случае любая вещь, которой не было в открытой продаже, у тебя обязательно будет. Причем совершенно бесплатно. Так что к вечеру необходимые ферменты, окислители и антибиотики лежали в моем холодильнике.

Утром следующего дня в своей лаборатории на точнейших аналитических весах я взвесил нужные количества сухих веществ. С помощью специальной импортной микропипетки отмерил биологический окислитель, фермент и сильнейший анестетик, который еще не использовался в клинической практике.

Каждую навеску я добавлял в раствор противовоспалительного препарата, налитого в стеклянную колбу под своим номером. Затем ставил колбу на подставку над газовой горелкой и нагревал. Когда кипение переходило в бурление, снимал готовую смесь и после быстрого охлаждения добавлял антибиотик, а колбу плотно закрывал тугой резиновой пробкой.

Эта работа выполнялась в условиях стерильного бокса, который мы обычно использовали для приготовления вакцины и клеточных культур. Подобным я мог гарантировать, что в уши больной собаки никакая другая инфекция извне занесена не будет.

После приготовления одного варианта все повторялось снова, но в других пропорциях и с другими реагентами. И

так восемь раз, в восьми вариантах.

Потом я ставил каждую из восьми колб на электромагнитную мешалку, аналог домашнего миксера, и долго следил, как небольшой стальной сердечник, быстро вращаясь, равномерно перемешивал мое изобретение. А мозг сверлила все та же постоянная мысль: получится у меня с лечением Жуни? Или все мои старания будут потрачены впустую, а задумка на поверку окажется всего лишь жалким поползновением изобретательской деятельности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.